За задней дверью был еще один двор, который походил на черный ход дома какой-нибудь семьи. Там раскинулся пруд, усаженный лотосами. Сладкий, тягучий аромат османтуса держался над водой. И даже в дождь он не терял своей элегантности. Хунцзюнь потащил мужчину в коридор. Глядя то направо, то налево он думал: «Вау! Какое красивое место!»

У этого дома было два этажа, сверху доносился девичий голос. Хунцзюнь находился на пороге к смерти от истощения: сначала он преследовал огромную рыбу на протяжении целой ночи, а потом за очень короткое время произошло столько всего, что ему хотелось просто отдохнуть. Юноша тут же сел, прислонившись к стене. Он тяжело дышал.

Как раз в этот момент появилась молодая женщина, одетая в бледно-желтый жуцинь. В руках она держала душистый османтус. Незнакомка врезалась прямо в Хунцзюня. Она увидела совершенно измученного юношу, что сидел на земле и пытался отдышаться. Рядом с ним лежал человек, а из-за его спины выглядывала голова карпа, его рыбий рот то открывался, то закрывался. Девушка потеряла дар речи.

Жуцинь (кит. □□) — традиционное китайской платье, состоящие из блузы и юбки с запахом.

На лице Хунцзюня отразилось замешательство, когда он повернул голову и встретился с ней взглядом. Женщина едва не закричала, но юноша успел приложить палец к губам, прося ее тем самым на за что не открывать рта. После Хунцзюнь вскочил и несколько раз поклонился в знак приветствия.

Проливной дождь смыл с него многодневную дорожную пыль. Кожа у Хунцзюня была белой и чистой, а черты лица гармоничными и красивыми. Он обладал такой великой красотой, что потрясал небеса и двигал землю. Одного его взгляда хватило на то, чтобы молодая женщина надолго застыла, глядя в пустоту.

— Я… займу это место в твоем доме на пару минут, — сказал Хунцзюнь.

Однажды отец юноши вдоль и поперек пересек три мира, и, если он считался вторым красавцем, никто бы не осмелился занять первое место и стать Махамаюри. Всякий раз показывая свое лицо, он заставлял небесных дев повсюду разбрасывать цветы. А пятьсот лет назад кланы яо жестоко наперебойсражались друг с другом, вызывая разрушения огромных масштабов.

Три мира или Трилока (кит. □□) — концепция мира принятая в буддизме (заменяется на «три сферы») и индуизме. У индуизма это: небо, земля и подземное царство. В буддизме это: сфера желания, сфера форм и сфера не-форм. Махамаюри Видья-раджа (кит. □□) – также Великая павлинья царица. Принадлежит пантеону северного буддизма, излечивающая от змеиного яда, защищающая от отравления тело и дух, ее почитают как покровительницу долголетия.Наперебой (кит. □□□□) — букв. рваться первым, боясь опоздать

Как жаль, что Хунцзюнь осиротел еще в детстве и не смог вырасти рядом с родным отцом Кун Сюанем, а Чун Мин позволял ребенку свободно бродить в течение всех двенадцати лет.

Мальчик постоянно носился по горам и рекам, днем его обжигало солнце, ночью мочило дождем, а иногда его обдавало дымом. Бегая под дождями и ветрами, он немало ранился, но брови, глаза, мягкие губы, ровные зубы белоснежная кожа, унаследованные от отца, наряду с чистой энергией, которой обладали все юноши, все еще заставляли каждого, кто видел Хунцзюня впервые, приятно удивляться его красоте.

— Вы… что случилось с этим мужчиной? — спросила женщина и перевела взгляд на лежащего рядом юношей офицера без сознания, а после удивленно воскликнула. — Это… разве не командующий Цзинлун?

— А кто такой командующий? — поинтересовался Хунцзюнь, полный смущения.

— Что ты делаешь?! — раздался несчастный женский голос из коридора, соединенного с восточным крылом. — Это ты, Сан-эр? Кого ты привела на этот раз?

Сан-эр спешно махнула рукой Хунцзюню и сказала:

— Все собираются спать, не шуми и иди за мной.

- эр (кит. □) — что-то вроде нашего уменьшительно-ласкательного суффикса. Как пишут словари, сейчас он практически утрачен.

Юноша встал, перекинул через плечо «командующего Цзинлуна» и заковылял вверх по лестнице вслед за молодой женщиной. Ноги мужчины бились о ступени с глухим звуком, и Хунцзюнь наконец-то вспомнил, что на офицере были надеты сапоги со стальными носками. Поспешно стянув их, он отнес его в комнату и уложил на кровать. Затем он отвязал свою котомку и положил ее на боковой столик. «Что же делать?» — спросил юноша сам себя.

— Это твоя рыба? — Сан-эр взглянула на Чжао Цзылуна, лежащего на столе. Его жабры время от времени двигались.

Хунцзюнь кивнул. На этом «командующем» была белая одежда, юноша протянул руку и стал обыскивать незнакомца, в руки попалась металлическая табличка, на которой было высечено «Ли Цзинлун. Великая гвардия Тан Лунъу». Даже прочитав это, Хунцзюнь ничего не понял, поэтому просто бросил ее знак на стол. После он поднял меч, что разрушил его Пятицветное сияние, и осмотрел его. Можно было сказать только то, что клинок очень старый, тяжелый и почерневший от грязи. Его покрывал плотный слой малой печати.

Лунъу (кит. □□) — название гвардии, охраняющей столицу во времена династии Тан.

Хунцзюнь ничего не мог понять, поэтому он распахнул одежду Ли Цзинлуна, обнажив его крепкую мужскую грудь. Тело его было стройным и гибким, но на груди и животе вырисовывались четкие линии мышц. Брови походили на клинки, написанные чернилами, а черты лица гармонировали. В глаз также бросались его высокая переносица и приподнятые уголки губ.

Кулон разбился и оттуда вышла Лампа сердца… Хунцзюнь мысленно вернулся к моменту,

когда подвеска разбилась. Но после он вспомнил слова Цин Сюна о том, что Лампа сердца сама проникнет в тело, когда освободится. Тогда на месте происшествия их было только двое, так что, согласно этой логике, если свет не вошел в Ли Цзинлуна, то он должен был раствориться в самом Хунцзюне. Сам он не чувствовал ничего особенного, но для Цзинлуна так долго быть без сознания ненормально. Обычно тот, кто свалился и потерял сознание, должен был уже проснуться… может быть, дело как раз в Лампе сердца?

Хунцзюнь даже не знал, что делать с этим светом. Он наклонился и прижался ухом к груди Цзинлуна, прислушался к биению его сердца. Повернув голову, он увидел удивленную Сан-эр.

— Ты не могла бы оставить нас одних ненадолго? — попросил он.

Лицо девушки обрело какую-то странную эмоцию, она кивнула и спросила:

— Командующий Цзинлун ранен? Мне послать за лекарем?

— А кто это? — невольно спросил Хунцзюнь. — Нет-нет, не нужно.

— Тогда я принесу воды, — сказала девушка и вышла за дверь.

Хунцзюнь тут же схватил карпа и с тревогой завопил:

— Чжао Цзылун! Проснись!

— Целитель — это человек, который занимается болезнями, — карп уже давно очнулся. — Где мы? Что произошло?

Голова юноши тоже была полна вопросами, он рассказал о произошедшем. Карп и полу-яо уставились друг на друга, Цзылун громко закричал:

— А-а-а-а-а! Ты в беде! Ты сделал это! И что же нам теперь делать? Его фамилия Чэнь?

— Нет, его фамилия не Чэнь! — ответил Хунцзюнь, желая умереть прямо на месте. — Его фамилия — Ли… а что, если он сменит фамилию? — внезапно осенило его.

— Ты что, дурак?! — возмутился карп. — Он все еще не потомок Чэнь Цзыана!

— Все кончено! Это конец! Что нам делать теперь?

— Убей его, — заключила рыба. — Может, тогда свет вернется.

— Как я убью его? — спросил Хунцзюнь. — Очевидно, что я учинил весь беспорядок!

— Все живые существа обречены на страдания, — продолжил яо. — Пусть я вижу, что он невероятно талантливый человек, между бровями у него темно, а лоб наморщен. У него на лице написано поражение, если он продолжит жить, он продолжит страдать. Поэтому лучше как можно скорее покончить с этим.

Хунцзюнь ничего не сказал в ответ. Он не знал, что делать дальше.

— Лампа сердца попала не в того, и теперь все стало таким хлопотным, — произнес Цзылун. Он продолжил подначивать юношу, держащего в руках тот меч. — Ты не человек, так что не бойся убивать их.

— Моя мать была человеком! — возразил юноша.

— Ты убивал яо! — напомнил ему карп. — Поторопись и сделай это! Иначе, что семье Чэнь делать в будущем? Лампа сердца должна вернуться в семью Чэнь, иначе Мара…

Чжао Цзылун тут же замолк, осознав, что сказал то, чего не должен был.

— Мара? — с подозрением спросил Хунцзюнь.

Ему вспомнился тот подслушанный им разговор Чун Мина и Цин Сюна. Тогда они тоже упоминали это имя.

— Как бы то ни было, Лампу сердца нужно вернуть! — быстро перевел тему карп. — Иначе всем нам придет конец! И я не пытаюсь тебя напугать… где метательный нож? Ты забрал его?

— Нет, один потерялся, — ответил Хунцзюнь.

— А я говорил тебе не гнаться за ним, но ты не послушался! — разразился руганью Чжао Цзылун. — Ну вот! Мы все обречены! Даже метательный нож посеял! И Лампу сердца…

Хунцзюнь взял полотенце, свернул его, а после резко, но аккуратно запихнул его в рот рыбы, тем самым остановив поток остроумия на лестнице.

Остроумие на лестнице (кит. □□□□□) — букв. после события умный как Чжугэ Лян. Это значит, что человек находить хороший ответ, когда момент уже упущен.Чжугэ Лян — один из персонажей китайского классического романа «Троецарствие» (XIV век), где он выступает как олицетворение мудрости, опыта, военной хитрости и изобретательности.

Снаружи послышался стук и в комнату вошла Сан-эр с чайником. Она взглянула на Ли Цзинлуна без сознания и удивленно спросила:

— С кем ты разговаривал?

— С собой, — поспешил ответить Хунцзюнь. — Дай нам еще немного времени наедине.

Сан-эр вручила юноше полотенце и улыбнулась, посмотрев на него:

— Хорошо.

Когда девушка снова ушла, Хунцзюнь вытер лицо Цзинлуна. Далее он залез на кровать и сел на мужчину сверху, сделал глубокий вдох. Наклонившись вперед, юноша сконцентрировал магическую энергию, в другой руке он собрал Пятицветное священное сияние и прижал ладонь к груди мужчины.

Карп долго махал руками, прежде чем ему удалось схватить засунутое в рот полотенце и вытащить его. Он закричал:

— Хунцзюнь, поторопись!

В это же время снаружи донесся хаос звуков: «Армия Шэньу ведет обыск! Посторонние

должны держаться подальше!»

Шэньу (кит. □□) — божественное воинство, название конной лейб-армии династии Тан.

Ли Цзинлун открыл глаза и в ярости опустил глаза, он увидел руку Хунцзюня, прижатую к его груди. Проследив за рукой вверх, он встретился взглядами с незнакомым юношей.

На лице мужчины отразилось удивление. Только сейчас он заметил, что его торс обнажен, а сам он одет в одни лишь длинные штаны. Мгновенно придя в себя от такого, Ли Цзинлун рявкнул:

— Что ты делаешь?

— Ты забрал мою Лампу сердца, — быстро ответил юноша.

Ли Цзинлун громко вскрикнул и схватил незнакомца за запястье руки, что прижималась к его груди, и потянул вниз. Оба молодых мужчины скатились с кровати.

— Стой! — закричал Хунцзюнь.

Внутри комнаты царил хаос, Ли Цзинлун опрокинул чайник с водой на стол. Чжао Цзылун быстро спрыгнул оттуда, а стражники снаружи, обыскивающие помещение, услышав шум, крикнули: «Комната в конце! Быстро!»

— Хунцзюнь! Уходи скорее! Сюда идут еще люди! — предупредил карп.

Ли Цзинлун повернул голову, и стоило ему увидеть рыбу, как он, разинув рот, взревел: «Чудовище!»

Хунцзюнь, испугавшись новых проблем, одной рукой схватил узелок, второй — Чжао Цзылуна, а после с грохотом выпрыгнул в окно. Ли Цзинлун остался в комнате, держа в руке меч. Лицо его исказилось в удивлении. Он тяжело дышал и совершенно не понимал, что только что произошло.

В момент, когда юноша вылетел из окна, он ухватился рукой за карниз и запрыгнул наверх. Пробежав до конца соединенных крыш, он съехал вниз по черепице и исчез.

Ли Цзинлун все еще находился в комнате, а его брони уже давно при нем не было, словно она отрастила крылья и улетела. Глаза мужчины были широко распахнуты, а сам он тяжело дышал. Тогда снаружи раздался сердитый возглас: «Кто внутри? Гвардия Шэньу ведет обыск! Если ты не откроешь дверь…»

— В комнате гости, и они сейчас очень заняты друг другом… — объяснила Сан-эр. — Пожалуйста, не тревожьте их.

Стоило Цзинлуну услышать «гвардия Шэньу», как он сразу понял, что его сегодняшние

проблемы не закончатся. Ему оставалось только бежать, иначе его репутацией подметут пол, поэтому мужчина тоже выпрыгнул из окна. Но в отличие от Хунцзюня, который запрыгнул наверх, Ли Цзинлун устремился вниз и, поскользнувшись босыми ногами о черепицу, рухнул вверх тормашками.

В одной руке стражник держал меч, а другой пытался за что-то уцепиться и отчаянно дрыгал ногами. Увидев конец крыши и оживленную улицу, он тут же понял, что все пропало. Но было слишком поздно.

Ранее, когда Хунцзюнь на бешеном бегу нес Ли Цзинлуна, он занырнул в самый известный квартал Чанъаня, именуемый «Пинканли» или «район Пинкан». Здесь находилось множество борделей, которые поражали своими вывесками и приносили деньги. Это же место называлось «Соловей весеннего рассвета», этот бордель входил в число лучших. Сразу же за зданием «Соловья» располагался Восточный рынок Чанъаня.

К этому моменту дождь уже кончился, небо прояснилось, а рынок уже открылся. Отовсюду слышался гул голосов, но внезапно его заглушил шум, все прохожие тут же обернулись. Они увидели командующего Ли Цзинлуна из гвардии Лунъу, чья мужественная горячая кровь кипела, а хорошо сложенная грудь была обнажена. Сжимая в руке меч, он выпрыгнул из окна «Соловья» средь бела дня и с лязгом полетел с крыши. Лошади и мулы заржали и стали разбрасывать повсюду корзины.

«Эй, а это не командующий Ли Цзинлун?»

«Командующий Ли? Ха-ха-ха!»

От падения у мужчины закружилась голова. Он еще дух не успел перевести, как его окружила толпа людей, а люди из Шэньу уже высунули головы из окна борделя. Ли Цзинлун тут же убежал куда-то, волоча за собой меч. Выглядел стражник очень жалко, вынужденный скрываться на рынке. Остальная часть армии Шэньу обыскивала все вокруг, прохожие на рынке громко смеялись, а какой-то вкрадчивый ученый даже подробно рассказал о случившемся.

— У меня есть поэма, коли мои слушатели захотят ее услышать.

— Давай! Давай!

— Ли Цзинлун прощается с «Соловьем весенней зари». Капитан Цзинлун, этот добрый муж, долго спал в красном квартале. По крышам он мчался с геройскою храбростью, со всеми прощаясь. Бордели все слезы роняли.

— Отлично сложено! Позвольте этому брату прицепить к этому соболю собачий хвост!

Прицеплять к соболю собачий хвост (кит. □□□□) — присоединять плохое, неудачное к хорошему, доброкачественному; возводить недостойных в высокое положение, слишком щедро жаловать титулы.

— Давай! Брат, давай!

— Он горд и ловок; он не боится скромной гвардии Шэньу, но вот забыл надеть свою тяжелую броню!

Ли Цзинлун прятался в сосуде с водой на задворках Восточного рынка, а вокруг рвано слышались поэмы в его «честь». Приоткрыв деревянную крышку, мужчина осмотрелся, но, заметив, что Шэньу патрулирует улицы, только и мог устало вздохнуть.

http://tl.rulate.ru/book/3616/89498